

ТРИЛОГИЯ II • «ЦИФРОВОЙ НЕКРОПОЛЬ»

КНИГА 5

ЭШЕЛОН МОЛЧАНИЯ

Генрих Али Баба

Книга 5. Эшелон Молчания

«Автор»

2026

Али Баба Г.

Книга 5. Эшелон Молчания / Г. Али Баба — «Автор», 2026

Книга 5 Мёртвые линии молчат — пока не заговорит месть. Старую АТС отключили от города много лет назад, но в мёртвой сети до сих пор есть номер, который отвечает. Сыщик набирает его не ради справки, а Анна идёт следом, вслушиваясь в шорох давно замолчавших линий. На другом конце — Тамара Громова, сестра капитана, которого убила Вера. Она не ищет справедливости. Она годами училась ждать. В Чёрном архиве Синдиката, среди стеллажей с делами, которые никому не полагалось найти, старый счёт наконец предъявлен. Тамара обвивает его горло полевым кабелем — тем же движением, каким когда-то оборвали жизнь её брата. Зеркальный финал, только теперь на другом конце провода — Сыщик. Пламя доберётся до архива раньше, чем кто-то из них успеет договорить.

Содержание

Книга 5. Эшелон Молчания	5
Акт I. Стирание Следов	6
Глава 2. Призраки на линии	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Генрих Али Баба

Книга 5. Эшелон Молчания

Книга 5. Эшелон Молчания

Пролог. Теорема пустого места

Информационный век не терпел компромиссов с плотью. Прежде, чтобы вычеркнуть неуютного человека из уравнения, корпоративным чистильщикам требовалось три грамма дешевого свинца, сырой мазутный пакгауз или забытый богом ледяной подвал в дальнем Заполярье. Теперь же хватало одного щелчка мыши. Одной-единственной команды. Одной мертворожденной строчки в центральном реестре Министерства реновации.

Если твоего имени не было в государственных базах данных, то пуля, выпущенная тебе прямо в сердце, юридически превращалась в рядовой рикошет от пустого места.

Мегаполис давно перестал тратить дефицитный порох на несогласных. Он просто захлопывал перед ними все двери. Умные замки элитных домов с мерзким щелчком защелкивались изнутри, стоило их датчикам уловить тепло твоего тела. Банкоматы плевались пластиковыми картами, слепом моргая ядовито-красным табло: *«Ошибка считывания биометрии»*. Объективы наружных камер на гранитных фасадах сталинских высоток, фиксируя твое лицо, не передавали сигнал патрулям — они просто стирали твой силуэт из кадра в реальном времени, оставляя на мониторах аналитиков лишь ровное, маслянистое пятно.

Ты все еще продолжал жадно хватать ртом воздух. Твои разбитые ботинки продолжали втаптывать неоновую слизь в гранит сырых набережных. Но для бездушной системы ты уже числился мертвецом. Притом мертвецом куда более абсолютным, чем те оцифрованные бойцы, чьи энграммы вскипали в жидком азоте «Цифрового Погоста». Ты превратился в человека-невидимку — живого призрака, замурованного в узком зазоре между терабайтами чужой, стерильной и жестко цензурируемой реальности.

И этот отчаянный призрак больше всего на свете хотел курить.

Акт I. Стирание Следов

Глава 1. Гражданин Ноль

Осенняя сырость была мелкой, въедливой и пахла старым ржавым железом. Настоящий, плотный ливень остался далеко позади внизу, а здесь водяная взвесь просто висела в воздухе тяжелой, удушливой пеленой. Весь город казался выцветшим негативом.

Сыщик неподвижно стоял под козырьком заколоченного табачного киоска на углу Пятницкой. Его тяжелое пальто, насквозь пробитое высоковольтным разрядом в недрах Центрального Архива, расплзлось по швам на правом рукаве, а обугленные, жесткие края воротника неприятно кололи кожу шеи. Он засунул руку в карман. Пальцы нащупали лишь три тусклые монеты старого образца да мятую, наполовину истлевшую купюру.

Он шагнул к уличному вендинговому терминалу по продаже сигарет. Прижал ладонь к стеклянной панели сканера. Автомат надсадно загудел, внутренний проектор на долю секунды осветил его кожу мертвенно-синим фосфором.

ОШИБКА 404: ОБЪЕКТ НЕ НАЙДЕН — лениво выползло на заплывшем пикселями табло.

Аппарат даже не удосужился вернуть опущенные монеты. Он просто отключил питание экрана, погрузив стеклянный лоток с заветными пачками в кромешную тьму. Сыщик коротко, без слепой злости ударил костяшками пальцев по пластиковому корпусу. Автомат ответил лишь ровным, издевательски-равнодушным гудением силового трансформатора. Система отказывалась его видеть. Система не собиралась вести дел с небытием.

— Не стучи, начальник. Бесполезно, — раздался из черного провала подворотни низкий, надтреснутый голос.

Сыщик медленно повернул голову. На куче мокрого, раскисшего картона горбился старик в рваном армейском бушлате. Вместо обуви его опухшие ноги были намертво обмотаны толстыми обрывками свинцового кабеля связи. Глаза старика закрывали грязные марлевые повязки, но из ушей торчали потрепанные пластиковые наушники, провод от которых уходил глубоко во внутренний карман.

— Нас всех выписали из списков живых, — старик хрипло, надсадно закашлялся, не вынимая наушников. — Ровно месяц назад у них рухнул этот проклятый сервер на Погосте. С тех пор корпоративная цензура окончательно слетела с катушек. Ведомство «Кабеля» переписывает индексные таблицы каждый час. Нет свежей цифровой метки в сетчатке — значит, ты просто пустой воздух. А воздухе сигареты без надобности.

Сыщик не произнес ни слова. Тяжелое напряжение в его черепной коробке, оставшееся в наследство от ментального замещения, отозвалось резкой, пульсирующей вспышкой боли за ушами. Он попытался напрячь память, вспоминая терпкий запах табака, который они курили вместе с Верой. Но мозг послушно, с безжалостной точностью выдал лишь сухую строку технической справки: *«Табачная продукция. Класс 3. Содержание смол: 12 мг»*. Никаких эмоций. Никаких теплых образов. Лишь ледяной реестр чужого архива.

Он резко развернулся на каблуках и зашагал обратно вглубь квартала, где в сыром подвале заброшенной типографии его ждала Анна.

Девушка лежала на расстеленном брезентовом матрасе среди огромных терриконов нераспроданных, сгнивших газетных подшивок двадцатилетней давности. Её состояние вроде бы стабилизировалось, но синтетические стимуляторы Синдиката выжгли её кустарные нейроимпланты дотла. Левая щека и тонкая кожа шеи Анны покрылись уродливыми черными корками — запекшимися следами взорвавшихся портов. Правый глаз, полностью залитый запекшейся кровью, стеклянно и слепо смотрел в закопченный потолок.

— Нас зажали в тиски, сыщик, — тихо прошелестела она, даже не пытаясь повернуть голову. Голос напоминал шуршание осыпающейся бумаги. — Я пыталась пробиться в локальный узел через старый модем радиорынка. Пустое. Протокол «Изоляция» шпарит на максимальных оборотах. Любой пакет данных, где встречается хотя бы три буквы из запрещенной рукописи Ницентов, рубят на подступах к магистральным шлюзам. Они вырезают «Русскую Вину» из информационной ткани города вместе с кусками медной проводки.

Сыщик тяжело присел на корточки у края её ложа. Он молча вытащил из кармана тяжелый пластиковый бейдж с буквой «Альфа», снятый с трупа министерского техника.

— Эта чертова пластиковая затychка еще работает? — глухо спросил он.

Анна криво, безрадостно усмехнулась, и из уголка её рта сорвалась тонкая струйка темной слюны.

— Для цифровых терминалов — нет. Его аннулировали ровно через три минуты после взрыва серверного ядра. Но в этом каменном мешке остались зоны, куда их оптика физически не успела дотянуться. Места, где реальность до сих пор цепляется за старую, окисленную медь.

Превозмогая дикую боль, она приподнялась на здоровом локте и властно ткнула пальцем в сторону глухой кирпичной стены подвала, из-за которой доносился глухой, едва уловимый гул подземных пластов.

— Прямо под нами залегает старый секретный узел связи Министерства обороны СССР. Заброшенная АТС глубокого заложения. Там нет гребаного оптоволокну, сыщик. Там живут только аналоговые реле, лампы и тяжелые телетайпы. Если эта стерва Тамара Громова хочет окончательно захлопнуть петлю на нашей шее в сети, нам придется спуститься туда, где никакой сети отроду не существовало. Мы начнем аналоговую войну.

Сыщик огляделся вокруг. Подвал закрытой типографии «Красный пролетарий» смердел не просто сыростью — он пропах заживо погребенным словом. Вокруг них до самого потолка громоздились штабели пожелтевших, пропитанных маслянистой копотью газет ушедшего века. На изъеденных плесенью обложках еще проступали выцветшие лозунги о грядущем светлом будущем, которые теперь звучали как издевательская эпитафия. В углу сиротливо замер гигантский печатный агрегат немецкой сборки — многотонный железный монстр с паклей высохших ремней и намертво заклинившими валами, на которых навечно застыла окаменевшая типографская краска.

Этот подземный склеп был кладбищем целой аналоговой эпохи. Но теперь этот тлен стал их единственным укрытием.

Анна тяжело, со свистом выдохнула. Сыщик перевел взгляд на её импровизированное ложе. Девушка лежала на дощатом поддоне, прикрытая рваным брезентом от грузового прицепа. Рядом, на обломке бетонного блока, дымила закопченная жестяная банка из-под цейлонского чая: в ней плавали обрезки медных жил и самодельный паяльник, шнур которого уходил прямо в оголенную распределительную коробку на стене. От жала поднимался тонкий сизый дымок с резким душком паленой канифоли.

Даже распадаясь на атомы физически, Анна не умела существовать вне железа.

Правой рукой она судорожно сжимала портативный осциллограф с паутиной трещин на экране. Прибор был подвязан тонкими «крокодилами» прямо к открытому интерфейсу на её запястье. Зеленый луч на миниатюрном дисплее больше не чертил ровную синусоиду — он бесновался рваными, исступленными зубьями, отражая хаос в её нервной системе. Каждая вспышка боли на шее заставляла её тело содрогаться. Зубы выбивали бешеную дробь, гулко отдаваясь в бетонных сводах.

— Взгляни на это дерьмо, — прохрипела она, кивнув на прибор. — Мой внутренний контур выгорает. Разряд с Погоста поджарил кремниевые подложки прямо под кожей. Мозг пытается связаться с периферией по мертвым протоколам. Знаешь, что я вижу, когда закрываю веки?

Сыщик молча опустился перед ней на одно колено. В собственной голове гулкая пустота отзывалась чужими архивными справками. На секунду ему показалось, будто перед ним лежит не Анна, а Вера, но холодный рассудок тут же выплюнул сухой диагноз: *«Объект: Анна Рейн. Возраст: 24 года. Риск летального исхода: 67%»*. Это выворачивало душу наизнанку. Ему хотелось взвыть от бессилия, но выжженные дотла эмоции не позволяли лицевым мышцам даже дрогнуть.

— Я вижу один сплошной белый шум, — шепнула Анна, и из её лопнувшего глаза скатилась крупная прозрачная капля, прочертив чистую дорожку сквозь сажу на щеке. — Ведомство Тамары Громовой активировало алгоритм «Метла» по всему сектору. Они не просто охотятся за нами — они стирают самый контекст эпохи. Любая архивная заметка, любая старая статья о Синдикате или клинике «Летэ» превращается в цифровую кашу из мусора. Они переписывают историю прямо сейчас, пока мы здесь гнием. Если мы не поднимем старый аналоговый передатчик, завтра горожане проснутся и искренне поверят, что у них никогда не было других имен.

Сыщик протянул руку, аккуратно забрал у неё треснувший осциллограф и отложил его на стопку газет. Затем нащупал в кармане тяжелую свинцовую plombу — немой трофей из подпольной бойни.

— Нам не нужен их цифровой цирк, чтобы заставить их слушать, — жестко отрезал он. — Ты сказала, под нами старая АТС. Как туда пробраться?

Анна слабо повела рукой в дальний угол подвала, где за проржавевшими решетками вентиляции чернел тяжелый чугунный люк с выбитыми на крышке буквами: *«СВЯЗЬ СССР. ТОПЛИВНЫЙ СЕКТОР»*. На дужке красовался массивный амбарный замок, затянутый зеленой патиной.

— Там разветвленный кабельный коллектор. Сбей этот замок. Подними крышку. И будь готов к тому, что внизу нас встретит мир, не ведающий слова «интернет». Но помни: Тамара Громова держит руку на всех проводах. Дернем не за тот кабель — и она услышит нас раньше, чем мы успеем коснуться клавиш телетайпа.

Глава 2. Призраки на линии

Ржавый навесной замок поддался лишь с четвертого яростного удара тяжелым обухом армейского ножа. Старая литая сталь лопнула с пронзительным, металлическим звоном, чье гулкое эхо долго металось между штабелями тлеющих газет. Сыщик рванул массивную чугунную крышку люка вверх. Из разверзшегося черного зева мгновенно пахнуло могильным ледяным холодом, застоявшимся машинным мазутом и прелым сукном.

Он спускался первым, бережно закинув обессиленную, полусознательную Анну себе на плечи. Её рваное, сиплое дыхание жгло ему кожу на шее, а капли темной крови из разбитого плеча мерно шлепали по ступеням вертикальной ржавой лестницы. Десять метров вниз, сквозь непроглядную, вязкую тьму — и их тяжелые ботинки глухо коснулись залитого парой сантиметров ледяной воды бетонного пола.

Они оказались в гигантском, погребенном в толще земли зале автоматической телефонной станции глубокого заложения.

Это был величественный мавзолей ушедшей аналоговой эпохи. Здесь не было стерильного пластика и беззвучных кремниевых чипов. Вокруг, насколько хватало узкого луча карманного фонаря, мрачными рядами громоздились бесконечные колонны шаговых искателей и тяжелых релейных стоек. Миллионы окисленных медных контактов, укутанных толстым сава-ном жирной серой пыли, напоминали гигантские, заброшенные пчелиные соты. В застоявшемся воздухе висел плотный, удушливый дух машинного мазута тридцатилетней выдержки. Время здесь задохнулось и замерло в ту самую секунду, когда рухнула великая империя.

— Вон там... — Анна слабо, едва заметно повела рукой в сторону темного возвышения в центре зала. — Главный коммутатор. И старые телетайпы.

Сыщик бережно перенес её к массивному дубовому пульта, на котором выстроились ряды угловатых аппаратов из черного армированного карболита с тяжелыми круглыми дисками набора. Рядом, укрытый от пыли брезентовым чехлом, прятался громоздкий стартстопный телетайп — механический монстр, намертво впаянный в жгуты толстых уходящих в стены кабелей.

Превозмогая лихорадочный бред, Анна упала на металлический стул перед пультом. Её испачканная в канифоли и запекшейся крови рука судорожно вцепилась в тяжелый рубильник аварийного питания.

Где-то в глубоких недрах подземного бункера, за многотонными герметическими дверями, надсадно и утробно завыл древний дизельный генератор. На пульте одна за другой начали вспыхивать тусклые, утопленные в латунные гнезда неоновые глазки — янтарные, грязно-зеленые и тревожно-алые. Зал в ту же секунду наполнился зловещим, гипнотическим звуком: миллионы старых реле по всему периметру стоек синхронно, с сухим щелчком замкнули цепи, пропуская слабый ток по венам заброшенных линий. Аналоговое сердце станции забилося вновь.

— Линии... они все еще живы, — прошептала она, и её единственный уцелевший глаз лихорадочно блеснул в полумраке. — Синдикат даже не пытался их выкапывать. Для них это просто мертвый кусок железа. Я цепляю телетайп напрямую к магистральному стволу, проходящему под всем правительственным кварталом к Шаболовке. Если импульс пройдет, текст «Обыкновенного варварства» выбьет на каждом ведомственном принтере столицы.

Её пальцы судорожно опустились на металлические клавиши. Пространство разорвал первый сухой, оглушительный удар литеры по бумажной ленте: «О-Б-Ы-К-Н-О-В-Е-Н-Н-О-Е В-А-Р-В-А-Р-С-Т-В-О...»

В ту же секунду во всем огромном, гулком зале воцарилась абсолютная, звенящая тишина, где каждый удар печатного молоточка отдавался ударом в сердце. Но не прошло и

трех секунд, как эту тишину разорвал звук, от которого у сыщика по спине побежали ледяные мурашки.

На центральном пульте одновременно зазвенели все черные карболитные аппараты.

Их были десятки. Скрытые внутри металлические молоточки бешено и синхронно колотили по латунным чашам звонков. Этот слитный, пронзительный, дребезжащий вой заполнил весь бункер. Звонил весь зал. Звонили далекие реле в темных пролетах стоек. Звонили даже оборванные телефонные трубки, валявшиеся в грязных лужах на полу. Это был жуткий хор мертвых, поднятых из могилы линий.

— Прекрати печать! — рявкнул сыщик, вскидывая пустой «Кольт», словно холодная сталь пистолета могла защитить от звука.

— Я не могу остановиться! — Анна безумно колотила по клавишам, и из её разбитых шейных портов снова брызнули искры. — Они перехватили несущую частоту! Это не сбой системы, сыщик! Это она! Она на проводе!

Сыщик сделал широкий шаг вперед, протянул руку к ближайшему громоздкому аппарату и резким движением сорвал черную трубку со стальной вилки.

Внезапный телефонный хор оборвался в один миг, оставив после себя давящую, ватную тишину. Слышно было лишь то, как тяжелые капли воды мерно разбиваются о бетон в дальнем углу. Сыщик медленно поднес ледяной карболит к уху. Сквозь плотное, утробное шуршание аналоговых помех и свист высоковольтного кабеля до него донесся ровный, бесцветный и абсолютный в своем ледяном спокойствии женский голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.